

История древнего времени. Ч.1.

ТЕМА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ И ЕЁ РАЗВИТИЕ ВО 2 ТЫС. ДО Н.Э. – 3 В. ДО Н.Э.

- 1 Возникновение цивилизации древних китайцев на рубеже 3–2 тыс. до н.э.
- 2 Китай в эпоху Шан-Инь (16–11 вв. до н.э.).
- 3 Китай в эпоху Чжоу (11–3 вв. до н. э.).

Литература

- 1 Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): в 7 т. / Сыма Цянь. – М., 1972–1996.
- 2 Хрестоматия по истории древнего Востока: В 2-х частях / под ред. М.А.Коростовцева, И.С.Канцельсона, В.И.Кузищина. – М., 1980.
- 3 Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. В.В. Струве, Д. Г. Редера. – М., 1963.
- 4 Хрестоматия по истории древнего мира: В 3-х ч. / под ред. В.В.Струве. – М., 1950. – Ч.1.
- 5 Васильев, Л.С. История Востока: в 2-х т. / Л.С. Васильев. – М., 2000. – Т.1.
- 6 Довгяло, Г.И. История Древнего Востока / Г.И. Довгяло, О.В. Перзашкевич, Л.А. Прохоров. – Минск, 2002.
- 7 История древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. – М., 1988.
- 8 История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А.В.Седова. – М., 2004.
- 9 Крижанівський, О.П. Історія Стародавнього Сходу: Підручник / О.П. Крижанівський. – Київ, 2006.
- 10 Васильев, Л.С. Древний Китай / Л.С. Васильев. – М., 1995. – Т.1.
- 11 История Востока: в 6 т. – М., 1997. – Т.1.
- 12 История древнего мира: в 3 т. / под ред. И.М.Дьяконова [и др.]. – М., 1989.
- 13 Переломов, Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае / Л.С. Переломов. – М., 1962.
- 14 Рубин, В.А. Идеология и культура древнего Китая / В.А. Рубин. – М., 1970.
- 15 Сеницын, Е.П. Бань Гу – историк древнего Китая / Е.П. Сеницын. – М., 1975.

1 Возникновение цивилизации древних китайцев на рубеже 3–2 тыс. до н.э.

Историческое развитие Китая в древности, несмотря на всю его экзотичность, не являлось исключительным, ни на что не похожим процессом. В Китае, например, так же как это было в Древнем Египте или в Древней Месопотамии, произошла «городская революция»: возникли многочисленные городские общины, на базе которых складывались протогосударства (карликовые царства), число которых исчислялось многими десятками, появилось патриархальное рабство.

Тем не менее, уникальных черт в цивилизации Древнего Китая было значительно больше, чем в случае с другими очагами цивилизации на Древнем Востоке. В частности, ирригационное земледелие в Китае стали практиковать спустя тысячу лет после появления здесь цивилизации. В Китае не существовало автономных городов и крупных храмовых хозяйств с их общинами, социально-экономическая жизнь там контролировалась государством. Все сферы общественной жизни Китая ощутили влияние оригинальных идеологических

систем, которые появились в середине 1 тыс. до н.э., и, по мнению историков, отображали борьбу между полисной и имперской тенденциями в политической жизни страны, служили опорой экономического и политического господства общественной элиты.

В отличие от большинства древневосточных цивилизаций, прежде всего древнеиндийской с её варно-кастовой системой, древнекитайское общество строилось на клановой основе и выглядело социально мобильным, между его общественными слоями и прослойками не существовало непреодолимых социальных барьеров, переход их одной социальной группы в другую осуществлялся автоматически. Если в Индии общественно-политическая активность населения была почти что нулевой, то в Китае, в соответствии с конфуцианской идеей, согласно которой каждый является кузнецом своего счастья, она была очень высокой. Китайское общество время от времени сотрясали массовые народные движения, вследствие которых происходила своеобразная «перезагрузка системы» и кризисные явления в стране на какое-то время утрачивали свою остроту. Можно считать, что в древности Китай и Индия типологически были чем-то вроде двух полюсов, между которыми расположился весь остальной древний мир.

О древнейшем периоде истории Китая известно, к сожалению, очень мало. Однако есть основания полагать, что общественные сословия и примитивная государственность могли появиться в Китае ещё в условиях господства общинной собственности на средства производства в связи с переходом населения от мотыжного земледелия к плужному. С наступлением бронзового века поселения протогородского типа становятся фактором, способствовавшим этнической консолидации и формированию государственности. Один из таких наиболее типичных протогородских центров, датируемый серединой 2 тыс. до н.э., был открыт в районе Чжэнчжоу (в Хэнани). Он представлял собой прямоугольное в плане поселение площадью 3,2 км² (320 га), обнесённое мощной стеной из спрессованных слоёв земли; высота сохранившейся её части достигала 9 м, а толщина стен у основания – 20–30 м. Здесь были обнаружены фундаменты крупных строений типа дворцов или общественных зданий, остатки жилых построек (при возведении которых использовалась та же техника утрамбованной земли, что и при сооружении городских стен), а также ремесленные кварталы. Чжэнчжоуский комплекс с его монументальной архитектурой и специализированным ремеслом являет собой более высокую стадию исторического развития как в области материального производства, так и в сфере общественных отношений, нежели Эрлитоу (урбанистическая археологическая культура раннего бронзового века, существовавшая на территории Китая в период 2100–1800 гг. до н.э.; её археологическая зона находится примерно в десяти километрах к востоку от города Лоян, который на протяжении многих веков был столицей или находился в самом центре жизни страны). У обитателей Чжэнчжоу очевидно шёл активный процесс государствообразования.

В связи с данными археологическими открытиями актуализируется вопрос о реальности существования в истории древнего Китая культуры и династии Ся, якобы правившей в Китае с 2205 по 1766 г. до н.э., которая в официальной

китайской историографии предстаёт родоначальницей четырёхтысячелетнего цикла 25 китайских династий. Археологические материалы сопоставляются учёными с данными древнекитайских письменных памятников и мифологической традицией. Среди серьёзных аргументов выдвигается и то обстоятельство, что самоназвание древнекитайского этноса хуся в его сокращённой форме – ся зафиксировано источниками 1 тыс. до н.э. и буквально совпадает с иероглифическим названием династии Ся. Делались попытки соотнести с культурой и династией Ся поселение Эрлитоу. отождествляют с сяской культурой и чжэнчжоуский комплекс. Выдвигаются и иные версии. Теоретически допустима каждая из них, поскольку формально радиоуглеродные датировки и локализация сопоставляемых культур не выпадают из традиционно приписываемых династии Ся хронологических и территориальных пределов. Однако ни одно из указанных отождествлений нельзя пока считать научно доказанным.

Данные новейших раскопок и исторические исследования позволяют со значительной долей вероятности предположить, что во 2-й пол. 3 – 1-й пол. 2 тыс. до н.э. на Центральной равнине, там, где создались условия для перехода луншаньских позднепервобытных общин к металлургии бронзы, сложилась крупная этническая общность (ся или какая-то иная, а может быть, и не одна), с которой было связано появление здесь протогородских центров, где уже просматривались некоторые компоненты, вошедшие в дальнейшем в основной фонд материальной культуры древнекитайской цивилизации. Судя по всему, в этих протогородских общинах наметился переход к раннегосударственным структурам, чему способствовало быстрое развитие бронзолитейного производства в бассейне Хуанхэ.

Однако бассейн Хуанхэ не был единственным ареалом раннебронзовой металлургии на территории древнего Китая. По крайней мере, с конца 3 тыс. до н.э. ряд культур ранней бронзы появляется в бассейнах рек Янцзы и Сицзяна независимо от северокитайского очага производства бронзовых изделий. Южнокитайские центры бронзовой индустрии, связанные с богатыми месторождениями меди и олова в Юго-Восточной Азии, возникли раньше, чем в бассейне Хуанхэ, самостоятельно или под воздействием мощного первичного очага древнейшей металлургии в Центральном Индокитае, восходящего к 4 тыс. до н.э. В связи с этим встает проблема непосредственных этнических связей и взаимодействия культур ранней бронзы Северного и Южного Китая, которая решается учёными по-разному. В этом отношении представляют интерес раскопки в Сычуани, лежащей на стыке древних культурных зон Восточной и Юго-Восточной Азии. Помимо неолитической культуры Даси (середина 6 – начало 3 тыс. до н.э.), открытой здесь сравнительно давно, в середине 1980-х гг. в районе Чэнду была обнаружена культура Саньсиндуй с последовательным залеганием слоёв позднего неолита и ранней бронзы, датируемых 1-й пол. 3 – нач. 1 тыс. до н.э. Среди уникальных вещей Саньсиндуя – золотые и бронзовые маски-личины и золотой жезл с изображением человеческих голов, представляющий собой, очевидно, регалию власти. Сенсационный характер имеют находки многих сотен образцов литых бронзовых изделий, в том числе

статуй людей в натуральную величину и даже большего размера, а также крупномасштабных скульптурных изображений человеческих голов с разнообразными головными уборами (что свидетельствует об устойчивой социальной стратификации). Ничего подобного этим находкам, в особенности монументальной скульптуре, не было свойственно ни одной из культур бронзового века Китая. Некоторые историки полагают, что в культуре Саньсиндуй очевидны признаки древнейшей погибшей цивилизации.

В настоящее время сложнейшая проблема происхождения и генезиса бронзовой индустрии в древнем Китае далека от окончательного разрешения, но, как бы то ни было, остаётся непреложным, что на территории Китая во 2-й пол. 3 – 1-й пол. 2 тыс. до н.э. существовало несколько независимых центров ранней бронзы. Некоторые из них вплотную подошли к порогу зарождения государственности. Однако тот факт, что ни один из них не обладал письменностью, является серьёзным доводом против отнесения их к стратифицированным обществам и сложившимся государствам. Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, как археологическим, так и письменным памятникам, на рубеже 3–2 тыс. до н.э. цивилизация, говоря образным языком, стояла на пороге древнего Китая. Об этом могут, в частности, свидетельствовать и находки, пусть единичные, протописьменных знаков у носителей ряда поздненеолитических культур, в том числе на луншаньской стоянке около Сиани (середина 3 тыс. до н.э.) и на давэнькоуской керамике. О реальном государственном образовании можно говорить лишь по отношению к развитым бронзовым культурам 2-й пол. 2 тыс. до н.э., среди которых первое место по праву принадлежит письменной городской культуре Шан-Инь, обнаруженной в Северном Китае ещё в конце 19 в. и активно изучаемой с того времени вплоть до сегодняшнего дня.

2 Китай в эпоху Шан-Инь (16–11 вв. до н.э.)

Во 2-й пол. 2 тыс. до н.э. в Китае на обширной территории – от Ганьсу до Шаньдуна и от Хэбэя до Хунани и Цзянси – по берегам рек возникают разрозненные раннегородские поселения – носители бронзовой индустрии, в которых создаются предпосылки для образования протогосударственных структур. Такие обнесённые стенами «города» (размером примерно до 6 км²) строились по определённому плану, с комплексом монументальных строений дворцового типа, с ремесленными кварталами, бронзолитейными мастерскими. Они найдены в пределах Центральной равнины (в Хэнани и на юге Хэбэя – вплоть до р. Хуайхэ и Шаньдуна). Граница их распространения на юге выходит за пределы бассейна Янцзы, где в районе южнее оз. Дунтинху (Хунань) и оз. Поянху (Цзянси) обнаружены города такого рода. Особый интерес представляют недавние раскопки обнесённого мощной стеной поселения с дворцовым комплексом в Паньлунчэне под Хуанпи (около Ухани, Хубэй), в 100 км к северу от р. Янцзы, – одного из самых ранних городов подобного типа. Различие в погребальном инвентаре свидетельствует о социальном и имущественном неравенстве в этих обществах, что подтверждает, в частности, недавно обнаруженная в одной из так называемых больших могил, принадлежавшей, по всей вероятности, верховной жрице, заупокойные нефритовые фигурки,

изображающие людей разного общественного положения и этнической принадлежности. Массовые умерщвления и жертвоприношения военнопленных составляют характерную особенность этих обществ.

В масштабе одной или нескольких территориальных общин («городов») складывались первичные очаги зарождающейся цивилизации. Объединение общин диктовалось и хозяйственными нуждами (например, необходимостью коллективных усилий для борьбы с наводнениями), и военными (войнами с соседними племенами, осложнявшимися междоусобной борьбой городов-государств). Однако наиважнейшей причиной возникновения этих первичных образований было всё усиливающееся имущественное расслоение. На первый план в таких раннегородских обществах под внешней оболочкой борьбы родов за престиж выступали возникающие имущественные и социальные антагонизмы. Эти территориальные общины становились полем образования протогосударственных надобщинных структур, что принципиально отличало их от окружающего множества родоплеменных организаций. Шанское «городское общество», очевидно выделившееся из Иньского союза племён в Северном Китае как наиболее устойчивая его часть, в последние века 2 тыс. до н.э. встало во главе довольно крупного, этнически неоднородного и нестабильного объединения. Его правитель назывался «ваном»; он обладал высшей военной властью и выполнял функции верховного жреца.

Об общине и «городе Шан» известно, прежде всего, из письменных эпиграфических памятников (древнейших на территории Китая), обнаруженных при раскопках около деревни Сяотунь в районе г. Аньян (в Хэнани). Это надписи на гадательных костях жертвенных животных и черепаших панцирях, выполненные архаическим пиктографическим письмом, в котором учёные видят прообраз китайской иероглифической письменности. Из этих ритуально-магических текстов можно извлечь весьма скудную информацию для характеристики общественного строя. К тому же данные эти спорные, что приводит к большим разногласиям среди историков в оценке социально-экономических отношений шанского общества. Исследование этих надписей затруднено тем, что фонетические реконструкции древнекитайского языка не идут далее середины 1 тыс. до н.э., но даже и они сомнительны. Язык иньских надписей являлся языком южноазиатского типа, испытавшим влияние североазиатских языков, что говорит об интенсивных контактах в долине Хуанхэ предков современных языков юга Восточной Азии (учёным не удаётся установить, каких именно, из-за невозможности реконструировать произношение иньских знаков) и древних сино-тибетских языков, а следовательно, носителей этих языков. Только в середине 1 тыс. до н.э. изначально разнородные языковые элементы слились в единую грамматическую систему древнекитайского языка. Гадательные надписи датируются 13–11 вв. до н.э. – тем же самым временем, к которому относится вскрытое в районе Аньяна большое городское поселение (занимающее вместе с прилегающими к нему территориями его округа площадь более 20 км²) с остатками тесных полуземлянок и землянок, и фундаментами средних и крупных строений с бронзовыми основаниями колонн. В пределах этого комплекса поселений обнаружены крепостные валы, ремесленные кварталы

с литейными мастерскими. Поблизости было открыто множество могил, резко различающихся по размеру и инвентарю погребений – от неглубоких ям, лишённых оружия и бронзовой утвари, до огромных крестообразных подземных усыпальниц более чем десятиметровой глубины. Последние (их немногим более десятка, площадь самой крупной из них – 380 м²) представляли собой монументальные конструкции, напоминающие усечённые пирамиды, обращённые основанием вверх, с широкими подъездными дорогами, спускающимися посередине каждой из четырёх сторон этих гробниц к погребальной камере, заполненной драгоценной утварью, оружием из бронзы, украшениями из нефрита и золота. Для сооружения каждой из них требовалось, по подсчётам учёных, не менее 7000 человеко-дней. В больших могилах – захоронениях почивших правителей – найдены сотни скелетов сопреблённых людей, а рядом – целые поля захоронений обезглавленных военнопленных со связанными за спиной руками и ямы с их отрубленными головами, исчисляющимися тысячами. Отдельно были погребены военные колесницы с лошадьми и возничими. Надписей о жертвоприношении людей (до 1500 человек одновременно) в настоящее время на гадательных костях обнаружено около двух тысяч. Пленных приносили в жертву богам и предкам; с обрядом массовых человеческих жертвоприношений был связан широко распространённый у шанцев культ гор и рек (в гадательных надписях упоминаются десятки имён их богов), а также, очевидно, и ритуал «священного брака», входивший в культ плодородия. Сотни захоронений людей, в том числе и заживо погребённых, обнаружены археологам также в фундаментах и других частях строений дворцового и храмового типа.

Аньяньские мелкие и средние могилы, принадлежащие собственно шанцам (со специфическим труположением, инвентарём и бронзовым оружием), отличаются антропологической однородностью. А вот черепа обезглавленных скелетов из шанских больших могил были расово неоднородны: там представлены и восточные монголоиды, и континентальные монголоиды, и переходные к австралоидам южномонголоидные популяции. Эти жертвы предназначались для кровавого ритуала человеческих жертвоприношений, ради чего шанцы предпринимали походы (своего рода «охоту за головами») на расстояние нескольких сотен километров. В шанском обществе, где регулярно совершались обряды, требовавшие массовых жертвоприношений, война являлась общественной нормой. Главной целью военных походов был захват добычи: помимо пленных – зерна и скота, также требовавшихся для принесения в жертву богам и предкам. Судя по содержанию гадательных надписей, под г. Аньянь находился культовый центр, где происходили гадания шанского и других коллективов и хранился архив так называемого «иньского оракула». Инь как название оракульного центра, вероятно, совпадало с самоназванием союза племён, располагавшегося в поздненеолитическое время в бассейне Хуанхэ. При всей разобщенности протогородских центров и разноязычии этнических общностей, входивших в шанскую конфедерацию (не являвшуюся объединённым государством), письменность в «обществе гадательных костей», первоначально использовавшаяся исключительно в ритуальных целях, была, по-видимому, одна. Распространял её культовый иньский союз, хотя, возможно, изобретена она была

не в одном месте и не обязательно именно шанцами. Вопросы к оракулу касаются многих городов (и), общинных объединений и племён (фан). Но особо выделяются шанские поселения: «город (или города) Шан» (Шан и), «Главный (или Великий) город Шан (Даи Шан)», «центральный Шан» (Чжун Шан), а также просто Шан как топоним и этноним. Это может свидетельствовать о том, что местоположение оракула, почитаемого как священный культовый центр, именуемый Инь, не являлось ни резиденцией вана Шан, ни политическим центром того союзного объединения, во главе которого стоял шанский ван как главный военный предводитель. Название Шан встречается и в позднейших древнекитайских источниках как наименование политического объединения и городского центра, а также как топоним и этноним, отождествляемый традицией с династией Инь, являясь как бы её вторым равноценным наименованием. Поэтому и период этот часто называется историками Шан-Инь. Традиционная историография датирует его 1766–1122 гг. до н.э., гадательные надписи относятся к последним двум векам этого периода.

Шанское общество жило в условиях развивающегося бронзового века (прочная оседлость, города, отделение ремесла от земледелия). Природные условия Среднекитайской равнины – района расселения шанцев – в 3–2 тыс. до н.э. были исключительно благоприятными для земледелия, чему способствовали лёссово-илистые почвы речных пойм, регулярные дожди и субтропический климат. Из зерновых культур шанцы возделывали сорго, ячмень, различные виды пшеницы, два сорта проса (чёрное и жёлтое), род конопли со съедобными зёрнами. Помимо злаков шанцы знали садово-огородные культуры, выращивали тутовые деревья для разведения шелкопряда. Нет полной ясности, была ли шанцами освоена культура риса, но если и была, то только суходольного, ибо ирригация им не была известна. Урожай целиком зависел от дождей, о чём имеются прямые свидетельства гадательных надписей. Кроме небольших канав, никаких следов искусственного орошения ни археологические раскопки, ни надписи не выявляют – ни у шанцев, ни у других обитателей «городов-общин» и племён, располагавшихся во 2-й пол. 2 тыс. до н.э. в поясе плодородных долин бассейна Хуанхэ. Основным принципом практиковавшихся гидротехнических мероприятий заключался в регулировании стока рек с помощью водоотводных протоков. При раскопках шанского городища под Аньяном была обнаружена система меридиональных дренажных каналов 40–70 см шириной, около 120 см глубиной при максимальной длине 60 м.

Таким образом, теория возникновения китайской цивилизации как земледельческой речной цивилизации, основанной на искусственном орошении, не подтверждается источниками. Более того, некоторые учёные даже полагают, что не земледелие, а скотоводство составляло основу хозяйственной жизни шанского общества. Единовременные жертвоприношения крупного рогатого скота достигали нескольких сотен голов. Распри из-за пастбищ были одной из причин войн шанцев с соседями. О большом значении скотоводства и охоты можно судить по преобладанию анималистических орнаментальных мотивов и сюжетных композиций на шанской бронзе – ритуальных сосудах и оружии. Охоты такого рода носили коллективный характер, в них должно было

участвовать всё взрослое население шанских общин. На каждой из охот добывали десятки и сотни диких животных.

Иньцы селились в городах, окружённых мощными оборонительными стенами, как о том свидетельствуют раскопки целого ряда городищ и знаки на гадательных костях, выражающие понятия «город», «городские укрепления», «внешние стены поселения», «строить город» и т. п. Техника бронзового литья шанцев достигла весьма высокого уровня. Из бронзы изготавливались ритуальная утварь (вес отдельных крупных изделий, в частности котла Сымуудин, достигал 875 кг), оружие, детали колесниц, но орудия труда в подавляющем большинстве своём были каменными и костяными. Оружие также ещё в значительной мере оставалось неолитическим (каменные топоры, наконечники копий, стрел). В таких городских поселениях отдельно располагались ремесленные кварталы, где были сосредоточены довольно крупные мастерские медников, косторезов, каменотесов, керамические, деревообрабатывающие и др. Их археологи обнаружили под Аньяном, Лояном, Чжэнчжоу (Хэнань) и Цинцзяном (Цзянси). Получило развитие монументальное зодчество, и, в частности, градостроительство; руководство последним было одной из важных функций вана, который должен был для этого соответственно располагать достаточно большими материальными и людскими ресурсами.

Из надписей известно о существовании специальной категории вангунов («ремесленников вана»), а также гунчэней, дичэней, догунов (храмовых и общинных ремесленников). Видимо, первоначально шанцы были хранителями секретов бронзолитейного искусства. Знак шан означает «торговля, торговать», хотя, вероятно, это не первоначальное значение данного знака, а производное от изображения каких-то изделий шанцев, скорее всего бронзовых (в знаке шан один из элементов является изображением треножного сосуда), и, возможно, связано с особыми функциями шанцев в «обществе гадательных костей» как посредников в межобщинном и межплеменном обмене; эти функции могли способствовать их возвышению среди других раннегородских обществ Великой Китайской равнины. В целом торговля была развита слабо и носила меновой характер, но всё же имелись товаро-деньги – раковины каури. Хождение имели как естественные каури, так и их бронзовые имитации, что для шанцев как монополистов в области бронзового литья могло служить особым источником обогащения. Не только в эту эпоху, но и позднее, в чжоуском Китае, специфика товарно-денежных отношений заключалась в том, что государственная распределительная система товарообмена сочеталась с отдельными элементами рыночной системы. Существовали международный обмен, о чём говорят хотя бы каури, прибывавшие с морского побережья; из бассейна Янцзы поступали олово и медь, из Синьцзяна – золото и яшма, а в обмен шли шан-иньские изделия, прежде всего бронзовые. На севере они доходили до Сибири. Основной формой международного обмена был захват – самый примитивный, хищнический способ международных связей. Основу шанского общества составляли свободные территориальные большесемейные общины. В ритуальных трапезах с закланием 300–400 быков и более, участвовало всё взрослое население, исчислявшееся тысячами человек. Ван, как верховный жрец, выступал подателем мясной пищи, компенсировавшей в определённые

периоды белковое голодание членов земледельческого коллектива. В массовых жертвоприношениях на первый взгляд, казалось бы, безрассудно расточались важнейшие материальные блага общества, однако они были не только ритуально значимы, но и должны были, видимо, как-то сдерживать имущественное расслоение и обогащение отдельных шанских родов и знатных семей.

Ван выступал организатором производства. Он, в частности, возглавлял крупные земледельческие работы в правительском хозяйстве; участие в них «братского коллектива» (чжунжэнь) общинников считалось не повинностью, а общественно полезным трудом, частью ритуально-магического обряда, обеспечивавшего плодородие почвы на всех полях страны. Запасы продовольствия, которыми ван располагал, представлялись, видимо, важным страховым, обменным, семенным и жертвенным фондом шанской общины. Из него же, очевидно, обеспечивался и управленческий персонал. Помимо общинников в ванском хозяйстве использовались и подневольные работники из военнопленных. Надписи свидетельствуют об использовании этого контингента в земледелии и скотоводстве. Работы на полях вана производились по велению оракула и в назначаемые оракулом сроки под наблюдением вана или лично подвластных ему доверенных лиц и надзирателей – сяочэней и др. Сяочэни, по мнению ряда историков, являлись «рабами – потомками пленных», «отроками, рожденными в рабстве» или «потомками рабов категории чэнь». Работники, по-видимому, использовали казённые орудия, о чём могут свидетельствовать находки под Аньяном складов нескольких тысяч каменных серпов и других земледельческих орудий рядом с храмом предков вана, где, вероятнее всего, и находились ванские храмовые поля. Среди учёных ведутся споры о социальном значении терминов для групп людей, занимавшихся полевыми работами под главенством вана. Очевидно, чжуны имели отношение не только к хозяйству вана, а чэни, сяочэни, дочэни и другие категории чэней были рабочим персоналом только или главным образом хозяйства вана. Среди чэней, видимо, были лица разных статусов: и подневольные работники типа рабов, и надзиратели (сяочэни), которые при известных обстоятельствах могли быть поставлены и над общинниками (чжунами) каких начальники (например, на период выполнения ими полевых работ на дом вана), и личная стража вана (дочэни). Как подчиненные непосредственно вану и представителям шанской администрации, чэни, в отличие от чжунов, находились вне общинного сектора. К тому же чэни, скорее всего, были преимущественно не шанцы по происхождению. Есть данные, свидетельствующие о том, что их «усыновляли», причём иногда целыми семьями. Наиболее вероятно, что чжуны представляли в двояком качестве: они принадлежали, прежде всего, к коллективу своей общины, но имели известное отношение и к хозяйству вана, т. е. выступали как непосредственные производители одновременно и на своём общинном поле, и на поле вана. Надписи фиксируют случаи, когда пахота производилась одновременно сотнями и тысячами людей.

Обработка земли осуществлялась несложными орудиями: примитивной землеройной палкой, сажальным колом, двузубой мотыгой. Вошёл в употребление так называемый способ оугэн (или способ «спаренной вспашки»,

получивший развитие в дальнейшей земледельческой культуре древнего Китая). При этом крюкообразная бороздовая палка (её изображения встречаются в гадательных надписях) использовалась как пахотное тягловое орудие, приводимое в действие физической силой двух людей, один из которых толкал его перед собой, а другой волоком тянул его за веревку, пятась задом или впрягаясь в эту примитивную соху. Ван предводительствовал на войне и на охоте. Важный вид войска, видимо дружину вана, представляли воины на боевых колесницах. Но основную силу шанского войска всё ещё составляла масса общинного населения. Обращает на себя внимание тот разительный факт, что во всех раскопанных под Аньяном могилах собственно шанцев (с специфическим труположением лицом вниз), как средних по размеру, так и совсем небольших (конечно, без человеческих сопогребений), оружие было обязательной принадлежностью сопроводительного инвентаря. Войны усиливали власть вана и других военачальников, в руках которых скапливались большие богатства. Выделились богатые и знатные роды, в которых внутри поколения, а затем по генеалогическому родству стали наследоваться высшие должности – прежде всего вана, определились роды, наследовавшие жреческие обязанности. Показательно, что помимо огромных мавзолеев в раннегородских поселениях шанского времени обнаружены сравнительно небольшие гробницы, где вместе с хозяином захоронено несколько людей, – это может служить свидетельством возникновения частного рабства. Анализ надписей даёт возможность предполагать, что власть вана была ограничена советом. Эпическая традиция, зафиксированная в «Шуцзине» («Книге исторических преданий») и позднечжоуском сочинении «Люйшичунью», сохранила воспоминание о шанском совете старейшин и народном собрании. Большие общественные здания, открытые археологами на территории «города Шан», косвенно могут говорить об этом. Утверждение выборных военных предводителей и глав совета старейшин (хоу и бо) нешанских общин и племён (фанов), находившихся в сфере гегемонии Шан, очевидно, совершалось с санкции вана.

Массовые жертвоприношения и захоронения пленных указывают на то, что их труд не находил ещё большого применения в хозяйстве. Однако есть данные об использовании пленных из племени цянов в охоте, скотоводстве и земледелии (на расчистке поля). Военнопленные sporadически всё же использовались на сооружении огромных гробниц, ликвидации последствий наводнений, строительстве городов и на других работах, которые при крайней примитивности транспортных и технических средств требовали колоссальных усилий. Известно из надписей, что пленных не всегда сразу же приносили в жертву. В таких случаях их могли использовать на единовременных экстренных трудоёмких работах. Если согласиться с трактовкой знака чэнь как «рабов из военнопленных», то термин гунчэнь, обозначающий ремесленников, может свидетельствовать о применении труда рабов в каких-то отраслях ремесла. Цянов, как искусных коневодов, шанцы использовали для ухода за лошадьми. Есть данные, намекающие на использование пленных на весенних земледельческих работах. Можно полагать, что они участвовали в обрядах плодородия и затем умерщвлялись в соответствии с ритуалом «священного брака».

О характере шан-иньского общества учёные высказывают разные мнения: считают его и протогосударством (на разных стадиях развития), и первичным государствообразованием типа города-государства, и зрелым государственным организмом. Судя по последним данным, есть основания полагать, что на территории Китая в эпоху Шан-Инь складывались разрозненные очаги городской цивилизации, принадлежавшие разным этносам, из которых шанский, обладавший собственной письменностью, оказался наиболее развитым. Её, очевидно, могли заимствовать другие общества. Однако своей письменностью владел в это время не только «Великий город Шан». Сравнительно недавно под Учэном в провинции Цзянси, в 200 км к югу от р. Янцзы, был обнаружен городской комплекс, представляющий собой независимый очаг древнейшей цивилизации, обладавший самостоятельным бронзолитейным производством и таким высоким показателем культуры, как изобретение протофарфора, – до этого открытия начало производства фарфора в Китае относили к рубежу христианской эры. Ещё одной сенсацией раскопок в Учэне было обнаружение на керамике и каменных литейных формах 60 графических письменных знаков, отличных от иньского письма, говорящих о наличии в обнаруженном городе-государстве местной оригинальной письменности. Датируется учэньский памятник серединой 2 – самым началом 1 тыс. до н.э.

Всё же, несмотря на новейшие археологические открытия, о шан-иньской цивилизации мы знаем на сегодняшний день несравненно больше, чем обо всех остальных центрах раннегородской культуры на территории Китая 2 тыс. до н.э., стадияльно с ней сопоставимых. Поэтому представление о ней помогает восстановить общую картину возникновения и первых шагов развития в древнем Китае стратифицированного общества и государства. «Город Шан» возглавлял коалицию «городских обществ». С них он время от времени взыскивал дань (форма международного принудительного обмена), а в случае неподчинения шёл на них походом; но бывало, что соседние «города» сами нападали на шанцев.

3 Китай в эпоху Чжоу (11–3 вв. до н.э.)

Затяжные войны, которые вел союз “городов” Шан с окружающими их враждебными племенами, ослабили шанцев и стали, в конечном счёте, одной из причин их гибели. Согласно китайской традиции, в конце 12 в. до н.э. (1122 г. до н.э.) шанцы были покорены уже давно угрожавшими им с запада чжоусцами, у которых интенсивно шёл процесс государствообразования.

По традиции, чжоусцы проживали на землях в бассейне р. Вэйхэ (приток Хуанхэ), хотя, по-видимому, они пришли сюда из более западных районов. В 1-й пол. 2 тыс. до н.э. чжоусцы занимались скотоводством и ранними формами земледелия. Есть основания полагать, что во 2-й пол. 2 тыс. до н.э. они уже были знакомы с литьём бронзы, а также, возможно, имели собственную письменность.

Процесс формирования этнического состава чжоусцев был весьма сложным. Некоторые исследователи полагают, что первоначально по языку они относились к тибето-бирманцам. По-видимому, с середины 2 тыс. до н.э. имело место медленное просачивание чжоусцев на восток, на территорию, подвластную шанцам, с которыми чжоусцы находились то в дружественных, то во враждебных отношениях, откупаясь от них «данью» людьми. Возглавив антишанский военный

союз, чжоусцы, предводительствуемые вождём, ставшим затем первым западночжоуским монархом под именем У-вана («Воинственного царя»), наголову разбили войска иньской коалиции в битве при Муе (в Хэнани) и вскоре подчинили своей власти обширную территорию в бассейне верхнего и среднего течения Хуанхэ. Столицей завоевателей стал г. Хао в нижнем течении р. Вэйхэ (в Шэньси). Точная дата чжоуского завоевания не установлена. Учёные датируют это событие в диапазоне от 1137 до 911 г. до н.э. Столь же условна и хронология дальнейших событий государства Западное Чжоу до 841 г. до н.э. Однако именно с завоевания чжоусцами шанских земель начинается период Западного Чжоу.

В отличие от войн Шан-Иньской эпохи, носивших характер вооружённых набегов, походы чжоусцев с самого начала имели целью захват чужих территорий и эксплуатацию покорённого населения. В раннечжоуской оде из «Шицзин» («Книги песен») о могуществе У-вана сказано следующее: «Широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всём берегу, что кругом омывают моря, повсюду на этой земле только слуги царя!»

После завоевания часть «строптивных иньцев» чжоусцы отправили на сооружение своей второй столицы г. Чэнчжоу (около Лояна, в Хэнани), где потом, видимо, использовали в качестве подневольных работников в царском хозяйстве. Тринадцать самых знатных иньских родов были порабощены и пожалованы ближайшим родичам У-вана.

Территории, захваченные чжоусцами, либо отдавались в управление членам правящего чжоуского дома, либо оставались в подчинении прежних правителей, поставленных под надзор «наблюдателей» чжоуского вана. Титул ван был унаследован верховными царями Чжоу от шанцев. Подвластных западному дому Чжоу местных владетелей (чжухоу) традиция исчисляет десятками и сотнями, 71 из их владений (го) было закреплено за членами чжоуского царского рода. Чжухоу обладали собственным аппаратом власти, осуществляли административное управление подвластным населением, но на их владения распространялась ванская юрисдикция и уполномоченные вана следили за изъятием части их доходов (особенно зерна) в пользу казны. Судя по эпиграфическим данным, чжоуский ван нередко сменял чжухоу, очевидно рассматривая их как представителей царской административной власти. Для разбора их дел и тяжб, и применения к ним карательных мер назначалось специальное должностное лицо. Такое поручение также оформлялось надписью на бронзовом сосуде.

Однако постепенно, с переходом владения по наследству, чжухоу превратились в фактических обладателей высшей территориальной власти на местах. Земельные пожалования чжоуского вана не были связаны с правом верховной собственности правителя на землю, но являлись реализацией им права государственного суверенитета на территории страны. Вместе с тем из собственно царского земельного фонда ван раздавал частным лицам, относившимся к управленческому аппарату, земли, считавшиеся принадлежностью их должностей. Акты о передаче им земельных угодий оформлялись как «дарения». Это не означало, что пожалованная территория становилась их собственностью. Она не считалась выбывшей из царского (государственного, правительского)

фонда. Передавались лишь права на доходы с этих земель, а при вступлении на трон нового правителя эти акты должны были возобновляться. Должностные земли постепенно становились наследственными, но в любом случае их передача требовала формального утверждения ваном. Юридическим документом служили бронзовые сосуды с отлитым на них текстом жалованных грамот. Причём земельные дарения одному лицу могли быть территориально разбросанными.

И с землёй, и без земли могли дариться «царские люди». Надписи на бронзовых сосудах свидетельствуют о «пожалованиях» людей ваном и его супругой, как сотням и семей, так и поодиночке – до тысячи и более человек одновременно. Эти подневольные люди, несомненно, использовались в производстве, так как дарственные перечисляют различные категории рабочего персонала. Все они являлись принадлежностью дома вана и не обладали собственными средствами производства. Однако далеко не все «царские люди» являлись рабами. В частности, в их числе могли быть и высокопоставленные должностные лица, но все они в глазах современников находились по отношению к вану в одинаково подчинённом положении, а потому не являлись людьми, распоряжавшимися собой по своей воле. Известны факты дарения рабов из осуждённых. Этот вид государственного рабства появляется впервые, но сразу получает распространение. Однако основным источником рабства оставался захват военнопленных. Подневольными людьми из военнопленных распоряжался сам ван, распределяя их между участниками военных походов. В пределах земель государственно-царского фонда (вне собственно общинных земель) получали распространение крупные комплексные царские хозяйства – полеводческие, скотоводческие, ремесленные, управлявшиеся особыми должностными лицами: «надзирателями земель», «надзирателями ремесленников» и др. Существовали и царско-храмовые хозяйства, где ван возглавлял культ Хоуцзи (культурный герой в китайской мифологии, покровитель земледелия и предок династий Чжоу) и совершал священный обряд проведения «первой борозды». Хотя к работе в этих хозяйствах привлекалось и свободное общинное население в порядке несения повинности цзу в пользу храма, но постоянный контингент рабочей силы этих хозяйств составлял и партии подневольного люда. Среди них были осуждённые на рабство за преступления. Но особенно много было рабов из военнопленных. Их захватывали тысячами, учитывали с точностью до одного человека. Военнопленными ведали ши («воинские начальники», «командиры»). Вообще армия, как орудие насилия государства, выполняла ещё и функцию принуждения к труду порабощённых военнопленных. Поэтому «военные чины» имели и особые производственные обязанности, связанные с организацией труда подневольных работников огромных царских хозяйств; они же ведали и поставкой этой рабочей силы. Ван имел собственное колесничное и вспомогательное пешее войско, которое снаряжалось и содержалось за счёт комплексного царского хозяйства.

В это время климат в Северном Китае становится значительно холоднее и суше. Для расширения пашни вместо дренажных работ по осушке болот стало требоваться искусственное орошение. Сократилось значение скотоводства. Важным показателем развития производительных сил является усовершенствование в 1-й пол. 1 тыс. до н.э. технологии бронзового литья.

Поднятие целины стало менее трудоёмким процессом благодаря более широкому применению в производственной сфере бронзовых орудий, прежде всего такого универсального инструмента, как кельт, служивший и топором, и землеройным орудием. Если в эпоху Шан-Инь бронза использовалась в основном в непромышленной сфере, то начиная с эпохи Западного Чжоу бронза начинает всё шире применяться для изготовления орудий труда довольно широкого профиля.

Поселения городского типа распространились по широкой зоне Восточного Китая – от северных степей до бассейна Янцзы. Они создавались вдоль рек и обносились стенами из утрамбованной земли, защищавшими от набегов окружающих племён и от наводнений. Периметр стен не превышал 1000 м, обычно в плане они представляли квадрат или прямоугольник, ориентированный по сторонам света, с воротами посреди каждой из четырёх крепостных стен. Судя по «Шицзин», сохранялась территориальная большесемейная община, согласно позднейшим данным – с коллективными органами самоуправления, земли которой разделялись на обрабатывавшиеся в пользу государства (гунтянь) и частные (сытянь), т.е., видимо, обрабатывавшиеся общинами в свою пользу. Свободные члены территориальных общин составляли основную массу населения, обязанную натуральными поставками и физическим трудом в пользу государства. Собственно чжоуское население байсин («сто родов») находилось в привилегированном положении по сравнению с остальными свободными, обладая, в частности, правом на даровые раздачи продуктов питания, в частности регулярные выдачи свинины, и на сокращение повинностей и поставок. С них, очевидно, не взимали повинность цзичжу – людьми, каури и шёлком, каковой было обязано завоёванное чжоусцами население. Длительному сохранению обычая внутриобщинных переделов земли в известной мере способствовало то, что постоянная ирригационная система, при которой эти переделы затруднены, не получила ещё распространения в полеводстве. Община продолжала оставаться коллективным собственником земли, представляя общинно-частный сектор, существовавший параллельно с государственным. К концу периода, по-видимому, начинают появляться земельные хозяйства, не входящие в общины. Основную рабочую силу в таких хозяйствах могли составлять работники различных категорий и наименований, находившиеся в рабском положении или близком к нему и не во всех случаях полностью лишённые личностных прав, что было отражением ранней стадии развития рабовладения. О частном рабстве свидетельствуют раскопки могильников этого периода с сопутствующим захоронением нескольких рабов в каждом из них. Государство заботилось о возвращении беглых рабов их хозяевам, обладая необходимым для этого аппаратом принуждения. Постепенно укреплялось право частной собственности на рабов. Уполномоченные вана разбирали по суду имущественные тяжбы между частными лицами, в том числе и по поводу рабов, которые становятся немаловажным объектом меновой торговли. Обычно раб оценивался в 20 мотков шёлка. Учитывая ежемесячные выдачи шёлком царским служащим (от 5 до 30 мотков-рулонов), можно предположить, что кто-то из них мог владеть рабами. Сделки с рабами, как и с другим имуществом, оформлялись отливкой

соответствующего документа на ритуальном бронзовом сосуде; это придавало юридическому акту одновременно и сакральный смысл, что свидетельствует об относительной неразвитости института частной собственности.

В Западном Чжоу прекращаются регулярные массовые жертвоприношения и ритуальные погребения рабов, столь характерные для шанской эпохи. Борьба против человеческих жертвоприношений ещё долго и с переменным успехом будет вестись в древнем Китае, но показательно, что первый протест против этого кровавого обычая история связывает с Чжоу-гуном («чжоуский князь» 11 в. до н.э., младший брат У-вана), дух которого – как передаёт традиция – «не принимал человеческих жертвоприношений». Действительно аутентичными письменными источниками по эпохе Западного Чжоу являются эпиграфические памятники, прежде всего надписи на бронзе. Только ко времени Чэн-вана (второй ван династии Чжоу) относят 30 таких текстов. Среди них есть касающиеся непосредственно завоевания шанцев: «[Чэн-ван] овладел [страной] Шан и укрепился в Чэнчжоу»; «Чэн-ван покарал город Шан и пожаловал Кан-хоу [брату У-вана по имени] Фэн шанцев и земли в Вэй». Что касается последнего пожалования, то из летописи «Цзочжуань» известно, что одновременно Чэн-ван передал Кан-хоу «семь знатных иньских родов». Но подобного рода памятники, содержащие фактические данные, – исключение; как правило, они не дают сведений по политической истории Западного Чжоу, так что она пока не может быть прослежена по надёжным источникам. Некоторые исследователи даже считают, что единственный достоверно датированный исторический факт периода Западного Чжоу относится к его падению в 771 г. до н.э.

С самого начала своего существования Западно-Чжоуское государство было поставлено перед необходимостью отражать набеги окружающих племён, особенно на северо-западе и юго-востоке, и до поры справлялось с этой задачей. С ростом сепаратизма чжухоу ослаблялась военная мощь ванов, падал авторитет царской власти. Чжоуские правители всё с большим трудом сдерживали натиск племён, ставший особенно сильным на северо-западе и юго-востоке страны. В 8 в. до н.э. под напором непрекращающихся вторжений западных кочевых племён из глубин Центральной Азии чжоусцы стали покидать свои исконные земли в бассейне р. Вэйхэ. В 771 г. до н.э. войско Ю-вана было разбито кочевниками, сам он попал в плен, после чего его сын Пин-ван перенёс столицу на восток. Этим событием традиционная китайская историография начинает эпоху Восточного Чжоу (770–256 гг. до н.э.). Её начальный этап, охватывающий период с 8 до 5 в. до н.э., по летописной традиции называют периодом «Чуньцю» («Весен и осеней»). Закрепившись на востоке страны, Пин-ван образовал здесь небольшое государство со столицей в г. Лои. К этому времени, согласно традиционной историографии, на территории Китая существовало около 200 царств (городов-государств). Эти царства огульно нельзя относить к числу протодревнекитайских, ибо в них консолидировались различные этнические общности, а не только протоханьцы. Они располагались с запада на восток от долины р. Вэйхэ до п-ова Шаньдун, включая Великую Китайскую равнину, на юге и юго-востоке они захватывали долину нижнего и среднего течения р. Янцзы, а на севере достигали района современного Пекина. Их окружали враждебные племена, известные под

обобщающими названиями: ди (северные племена), и (восточные племена), мань (южные племена), жун (западные племена). Об эпохе «Чуньцю», наряду с археологическим материалом, повествуют многие нарративные памятники. Среди них упомянутая выше летопись царства Лу (в Шаньдуне) «Чуньцю» с комментариями на нее: «Гуньянчжуань», «Гулянчжуань» и самым известным из всех – «Цзо-чжуань», так называемым «Левым комментарием», а также «Гоюй» («Речи царств»), восходящим к традиции 9 в. до н.э. Среди царств, рассеянных в это время в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ на Великой Китайской равнине, одни относили себя к потомкам чжоусцев, другие – шанцев. Но все они признавали над собой верховную власть чжоуского вана, провозглашаемого Сыном Неба, и считали себя «срединными царствами» (чжунго) мира – средоточием Вселенной. Распространившаяся в это время ритуально-магическая концепция чжоуского вана как Сына Неба была связана с культом Неба – верховного божества, – зародившимся в Китае вместе с чжоуской государственностью. По сравнению с шанскими культурами предков и сил природы культ Неба и Сына Неба, как его земного воплощения, был надплеменным, межэтническим, совместимым с местными общинными культурами, но возвышающимся над ними. Вместе с учением о Воле (Мандате) Неба (Тяньмин – «Божественной инвеституре») он служил идее харизмы власти вана и легитимации права династии Чжоу на господство в Поднебесной (Тянься – Страна под Небом). Восточно-Чжоуское царство в это время являлось своего рода связующим единством «чжоуского мира» в силу освященного традицией представления о сакральном характере власти его правителей. Оно играло большую роль в установлении дипломатических отношений между «срединными царствами» на всем протяжении периода «Чуньцю». Кроме «срединных царств» на территории «чжоуского мира» находились и другие государства, несколько не уступавшие им ни по размерам, ни по уровню культурного развития. Среди них выделялись южные царства Чу (в среднем течении Янцзы), У (в дельте Янцзы) и южнее их – Юэ. Их население было родственно предкам вьетнамцев, чжуан, мяо, яо, тай и других народов Юго-Восточной Азии. К 7 в. до н.э. Чу оказалось в числе самых сильных царств, его правители присвоили себе титул ванов и, возглавив коалицию южных царств, активно включились в борьбу древнекитайских царств за гегемонию в Поднебесной.

Чжоуская цивилизация восприняла и развила важные достижения шаньиньской культуры (прежде всего иероглифическое письмо и технику бронзолитейного производства). «Чуньцю» было периодом развитого бронзового века в Китае. В это время прогрессирует технология изготовления бронзовых сплавов. Расширяется производство бронзовых орудий труда. Появляются новые типы наступательного оружия, прежде всего стрелкового. Так, в Чу изобретается мощный арбалет с бронзовым спусковым механизмом, конструкция которого требовала использования для его изготовления бронзы высшего качества. Эпоха «Чуньцю» была апогеем мощи колесничного войска. В это время наблюдается рост городов как культурно-политических центров; они, как правило, остаются небольшими, но возникают и города с населением 5–15 тыс. человек. Правители царств широко практикуют раздачу земли за службу, что, в частности, означало

переуступку прав на получение поступлений от общин. В связи с разложением общинной собственности во многих царствах прекратились общинные переделы земли, которая наследственно закреплялась за отдельными семьями. Это вызвало изменение всей системы изъятия государством прибавочного продукта у основной массы производителей. Сначала в царстве Лу (в 594 г. до н.э.), потом в Чу (в 548 г. до н.э.), а затем и в других государствах система коллективной обработки общиной части её полей в пользу царя была заменена зерновым налогом (обычно в одну десятую урожая) с поля каждой семьи. По сути, это и было началом регулярного налогообложения земледельцев, что повлияло на характер общинных органов самоуправления.

Из представителей общинных органов самоуправления нам известны: старейшины фулао, избираемые простым народом (шужэнь) в общинах (ли), коллегия трёх главных старейшин (саньлао) и староста, или городской голова (личжэн). Органы самоуправления, по-видимому, активно функционировали в городах и общинных объединениях (и). Представители общинных органов самоуправления отвечали за выполнение трудовых повинностей, за сбор налогов, за поддержание порядка в общине, исполнение межобщинного культа (в частности, саньлао). Они могли созывать местное ополчение, организовывать городскую оборону, вершить суд над людьми общины и даже приговаривать их к смерти. В ряде царств они могли самостоятельно сноситься с внешним миром, с помощью местного ополчения могли оказывать влияние на исход междоусобной борьбы претендентов на царский трон. В общественно-политической жизни периода «Чуньцю» активную роль играл слой гождэнь – «свободных людей», «полноправных граждан города-государства», обязанных военной службой, уплатой податей и несением ряда повинностей. Иногда они выступают на стороне правителя в его борьбе с могущественной знатью, их активное вмешательство в дела внутренней и внешней политики царств заставляет предположить наличие там пережитков института народного собрания. Сведения о гождэнь в царствах Чжэн, Вэй, Цзинь, Ци, Сун, Чэнь, Лу, Цзюй могут быть свидетельством того, что эти государства сохраняли известные черты демократического устройства. В ряде случаев правители царств даже заключали с гождэнь договоры о взаимной поддержке. Однако роль гождэнь в политической жизни царств к середине 1 тыс. до н.э. повсюду сходила на нет. В этот период появляются факты отчуждения частных усадеб и огородов, но сколько-нибудь заметного распространения сделки с землей всё ещё не получают.

С углублением процесса расслоения общины развивается долговое рабство, сначала под видом «усыновления», «залога» детей. Заложников-чжуйцзы с целью сохранить в хозяйстве работника нередко женили на дочери хозяина. В частных хозяйствах общинников было распространено патриархальное рабство. Для домашней работы использовались нучаньцзы – рабы, прижитые в доме от рабынь. Рабский труд находил применение и в земледелии. Однако в целом частное рабство в этот период ещё не получило заметного развития. Источниками государственного рабства оставались захват военнопленных и порабощение по суду. Рабов часто называли по профессиям (конюх, дровосек, носильщик, пастух, уборщик, ремесленник) или применяли по отношению к ним общие

наименования, например «слуга», «отрок». Подневольные работники, используемые в производстве, обозначались также собирательными терминами – ли и пу, – относившимися к лицам, утратившим статус, гарантирующий личную свободу. Показательно, что в этот период утверждается «классический» термин для обозначения раба – ну, ставший стандартным для всех дальнейших периодов истории Китая. Характерной чертой рабовладения восточножюуского общества было сохранение многими категориями рабов признаков субъекта права.

На территории «срединных царств» шёл процесс формирования этнокультурной общности хуася, в ходе которого возникает представление об исключительности и культурном превосходстве хуася над всей остальной мировой периферией – «варварами четырёх сторон света» (сы и). Причём в этой восточножюуской этноцентрической модели ойкумены на первый план выдвигаются не этно-различительные, а культурно-различительные признаки. Идея абсолютного культурного приоритета чжунго жэнь («людей срединных царств») становится с этого времени важнейшим компонентом этнического самосознания древних китайцев. Однако уже тогда она решительно оспаривалась теми древнекитайскими мыслителями, которые осознавали её полное несоответствие современной им действительности.

Как уже говорилось, кроме «срединных царств» на территории Китая находились и другие крупные государства, в чём-то даже опережавшие их в общественном развитии. О высокой культуре нехуасяских царств Чу, У и Юэ уже сравнительно давно стало известно из материалов раскопок, и археологи получают всё новые данные, подтверждающие это. В частности, были открыты памятники до этого почти неизвестного по письменным источникам восточножюуского царства Чжуншань, основанного племенами «белые ди» в Северном Китае (в Хэбэе), обладавшего высокой оригинальной культурой; чжуншаньские изделия относятся к лучшим художественным образцам бронзолитейного искусства древнего Китая середины 1 тыс. до н.э. Однако в летописных памятниках о царстве Чжуншань упоминается лишь вскользь, поскольку оно не выдержало натиска «срединных царств». Известно также, что кроме Чжуншань «белыми ди» в том же регионе в эпоху «Чуньцю» были созданы ещё два царства – Фэй и Гу. Противостояние хуасяских царств всем «варварам четырёх сторон света» ярко проявляется во взаимоотношениях царств в период «Чуньцю»: взаимоуважительных – «братских, родственных» между хуася, связанных особыми правилами ведения междоусобных войн, – с одной стороны, и исполненных презрительного отношения хуасяских царств к «ничтожным варварам» – с другой.

Между тем с конца 7 – начала 6 в. до н.э. окраинные нехуасяские царства выдвигаются на первый план политической конъюнктуры в качестве «гегемонов», фактически диктующих свою волю Поднебесной в период «Чуньцю». Среди них древнекитайская историческая традиция называет по крайней мере четырёх правителей «варварских» царств: северо-западного жунского царства Цинь, уже упомянутых южных маньских царств Чу и У и самого южного из всех, этнически неоднородного царства Юэ. Из них только Цинь номинально признавало власть восточножюуского вана. На протяжении веков «срединные царства» находились

в постоянных и интенсивных контактах с этими и другими соседними иноэтническими народами и племенными группами Восточной Азии, в ходе которых происходил сложный процесс ассимиляции и взаимовлияний. На формирование общности хуася существенное воздействие оказало оседание на Среднекитайской равнине в 7–6 вв. до н.э. северных племён ди, принадлежавших к так называемому «скифскому миру». Заимствование культурных достижений «чужих» этносов имело немаловажное значение для социального, политического, хозяйственного и идеологического развития «срединных царств». С конца периода «Чуньцю» заметно расширяется территория хуася, хотя и в пределах бассейна р. Хуанхэ и среднего течения р. Янцзы. Становятся всё более тесными взаимоотношения «срединных царств» с периферийными царствами Цинь, Янь и Чу, которые, со своей стороны, непосредственно вовлекаются в сферу культурного влияния хуася. Все эти процессы происходят на фоне ожесточённых войн между царствами, приобретающих исключительно напряжённый характер в начале 2-й пол. 1 тыс. до н.э. В междоусобную борьбу «срединных царств» активно вмешиваются сильные в военном отношении нехуасяские царства, и именно их участие в той или иной военной коалиции зачастую решает исход конфликтов.

Возраставшее напряжение междоусобной борьбы «срединных царств» дополнялось столкновениями политических сил внутри их. Господствующее положение в древнекитайских царствах периода «Чуньцю» принадлежало наследственной аристократии, связанной обычно родством с царскими домами. Она занимала высшие посты в государственном управлении, владела боевыми бронзовыми колесницами, составлявшими основную ударную силу войска. В противовес ей правители стали формировать армии из пехотных подразделений. Начиная с 6 в. до н.э. повсеместно отмечается яростная борьба знатных родов за власть в своих царствах. Стремясь ослабить мощь этой клановой аристократии, правители царств пытаются опереться на лично им преданных людей из незнатных семей, вводят новую систему служебного вознаграждения – «жалованье», которое стало выплачиваться зерном, служившим важнейшим эквивалентом стоимости. Эти нововведения в сфере политического управления вели к изменению характера государственного устройства. В крупных царствах постепенно устанавливается централизованная политико-административная система управления. В середине 1 тыс. до н.э. политическая карта древнего Китая по сравнению с началом периода «Чуньцю» кардинальным образом меняется: от двухсот государственных образований остаётся менее тридцати, среди которых выделяются «семь сильнейших» – Цинь, Янь и Чу, относящиеся к числу «периферийных», а также Вэй, Чжао, Хань и Ци – крупнейшие из «срединных царств». Непримируемая борьба между ними за преобладание и господство в Поднебесной становится определяющим фактором политической истории древнего Китая в последующий период (5–3 вв. до н.э.), вошедший в традицию под названием «Чжаньго» («Борющихся царств»), который завершается 221 г. до н.э. Претенденты на роль гегемонов постоянно образовывали военно-политические союзы по вертикали (с севера на юг) и по горизонтали (с востока на

запад). В конце концов, шесть из них ополчились против полуварварского царства Цинь.

Именно в смутный период Восточного Чжоу в Китае произошли важные социально-экономические сдвиги. Страна окончательно вступила в железный век. С помощью железных орудий труда население расчистило под пашни огромные лесные массивы в бассейне р. Хуанхэ, осушило существовавшие там болота. Однако повальное наступление на природу привело к экологической катастрофе. Китайцам пришлось приступить к широкомасштабному ирригационному строительству. В стране в 3 в. до н.э. были построены три большие ирригационные системы, настолько совершенные, что они служат китайцам по сегодняшний день. Благодаря ирригации, а также появлению частной собственности на землю и поземельного налога продуктивность китайского земледелия сильно возросла, что содействовало общему экономическому процветанию страны. Резко изменился характер китайского животноводства. Если раньше скот использовали для жертвоприношений в храмах, то в период Восточного Чжоу его уже применяли как тягловую силу. Достигло новых успехов ремесленное производство, оживилась торговля, укреплялись хозяйственные связи между регионами, в стране было построено свыше полутысячи новых городов – втрое больше, чем за весь предшествующий период. В самых крупных городах проживало по 250–350 тыс. жителей.

Освоение целинных земель и расширение посевных площадей обусловили бурный рост населения в Китае. Стало ощущаться аграрное перенаселение.

Радикальные изменения произошли и в системе общественных отношений. В частности, в отдельных царствах прекратился регулярный передел общинной земли, которая становилась наследственной собственностью отдельных семей (сначала садовая и огородная, а потом и пашни). Частной собственностью становилась и целинная земля. В начале 6 в. до н.э. в царстве Лу был введён земельный налог. Вскоре это было сделано и в ряде других царств. Результатом такой аграрной политики стало ускорение имущественного и социального расслоения крестьянства. Обедневшие крестьяне работали на общинную верхушку. Государство также взимало свой налог, который постоянно увеличивался, в ряде случаев достигая 2/3 урожая. Всё же налогообложение не привело к превращению общинного земельного фонда в царскую собственность, а крестьян – в царских подневольных людей. Сельская община с её органами самоуправления сумела отстоять свои автономные права.

Непомерно высокие налоги в аграрном секторе экономики отбивали у многих охоту работать на земле. Немало бывших аграриев пошло в более прибыльную торговлю, что приводило к небезопасным перекосам в хозяйственной жизни. В общественном производстве рос удельный вес рабского труда. Рабы, как и прежде, рекрутировались большей частью из военнопленных и преступников. Долговое рабство существовавшая тогда мораль осуждала. Характерно, что государство обращало во временное, пожизненное и наследственное рабство не только самого преступника, но и его родственников и лиц, связанных с ними круговой порукой.

В конце 6 в. до н.э. в царстве Цзинь появились первые писанные законы. Они лучше регулировали общественные связи, нежели традиционное обычное право, и были настолько зрелыми, что учитывали сопутствующие обстоятельства при совершении преступления. Руководствуясь этими законами, китайские суды присуждали к наложению позорного клейма, ампутации носа, ступни, кастрации или казни. От любых наказаний можно было откупиться, однако размер выкупа был по карману только самым богатым. Правонарушителей в Китае хватало, если иметь в виду, что преступлением считалось даже «бедность из-за лени».

Таким образом, древнекитайское общество периода Чуныцю и особенно Чжаньго развивалось динамично. Однако политическая смута делала невозможной реализацию всего социально-экономического потенциала страны. В условиях политической нестабильности ирригационное строительство велось в разных районах страны не согласовано, вследствие чего ирригационные работы в одном царстве приводили к страшному паводку в соседних царствах. Случалось, что одна из воюющих сторон умышленно разрушала дамбы на территории противника, чтобы затопить её.

Многочисленные таможи мешали нормальному ведению торговли на внутреннем рынке. Но самым губительным следствием кровавых усобиц было то, что гибло множество людей. Китайские полководцы как будто состязались между собой, кто из них больше вырежет местного населения. Так, 293 г. до н.э., после битвы при Ицюэ, в которой царство Цинь одержало победу над силами Хань и Вэй, победители отрубили головы 240 тыс. пленным, а после победы в битве при Чанпине в 260 г. до н.э. над армией царства Чжао полководец царства Цзинь Бай Ци приказал закопать живьём в земле 400 тысяч сдавшихся в плен чжаоских воинов. Вообще по его приказу Бай Ци за всю его карьеру было казнено около миллиона человек, за что он получил прозвище Жэньту – Мясник по человечине.

Жернова войны перемалывали целые армии. Человеческая жизнь в Китае совершенно обесценилась. Всё это делало китайское общество «пороховой бочкой», порождало стремление населения к сильной власти, требовало радикальных общественно-политических реформ.

В реформировании общественной жизни была заинтересована, прежде всего, царская власть, недовольная и обеспокоенная тем, что родовая аристократия стремилась перетянуть на себя управление государством, даже организовывала дворцовые перевороты. В политической борьбе с влиятельной аристократией цари искали поддержки у представителей общинной верхушки, разбогатевших на торговле, которые завидовали родовой знати и жаждали её власти и титулов. В отдельных царствах правителям удалось провести с помощью такого политического альянса радикальные общественно-политические реформы, причём особым радикализмом они отличались в княжестве Цинь. В историю они вошли как «реформы Шан Яна», хотя санкционировал их правитель княжества Сяо-гун (361–338 гг. до н.э.).

Сяо-гун обратился к своим чиновникам и учёным вне княжества Цинь с призывом предложить программу действий, направленную на возвеличивание своего княжества. В результате на должность главного министра был назначен Шан Ян, чиновник из княжества Вэй, являвшийся одним из наиболее известных

легистов. Шан Ян провёл ряд радикальных реформ, приведших к серьёзным изменениям в обществе и государстве, что в дальнейшем помогло Цинь подчинить весь Китай. Сын Сяо-гуна Ин Сы наследовал престол и стал первым царём (ваном) Цинь под именем Хуэйвэнь-вана.

Шан Ян ускорил процесс разрушения земледельческой общины, узаконив частную собственность на землю. Он заменил налог с урожая поземельным налогом, что стимулировало земледелие и гарантировало твёрдый доход государства. Реформатор обязал глав патриархальных семей разделить семейное имущество между всеми детьми и этим подорвал патриархальную семью – основу клановой организации, на которой строила своё благополучие аристократия. Чтобы избежать массового разорения крестьян купцами и ростовщиками, Шан Ян пытался искусственно ограничить торговлю и ростовщичество. Была ликвидирована система наследственных рангов, их заменили ранги знатности, которыми наделял царь за заслуги перед государством (главным образом за доносы и военные победы). К тому же их можно было купить. Шан Ян ликвидировал систему наследственных владений чжухоу, разделив царство на 31 уезд (сян) во главе с назначенными правителем губернаторами. Знати и чиновникам было строго запрещено заниматься личными делами и преследовать корыстные цели. За нарушение соответствующих запретов, да и всех остальных, выпущенных в большом количестве указов, следовали суровые наказания даже в случае небольших проступков.

Для полного контроля над населением была введена система круговой поруки, при которой ответственность за действия одного человека несли все его соседи, включённые в «пятёрки» и «десятки» (объединения 5 и 10 семей). Это заставляло всех циньских подданных следить друг за другом и заранее доносить властям на соседей в страхе перед коллективными репрессиями. Аналогичная, но ещё более жёсткая система круговой поруки была введена в армейских подразделениях. Система «пятёрок» и «десяток» (шиу), связывающая соседей взаимной ответственностью, породила в дальнейшем систему круговой поруки в деревне (баоцзячжиду), просуществовавшей в разных вариантах до 20 в.

Все занятия, отвлекающие народ от обработки земли – развлечения, торговля, изучение наук, музыка и т. п., – были объявлены «паразитами», способствующими ослаблению, а то и гибели государства, и фактически подлежали преследованию.

Одним из важнейших средств укрепить государство Шан Ян считал войну. Согласно его доктрине, царство Цинь должно было вести постоянную войну с каким-либо соседним царством хотя бы ради поддержания высокой боеспособности своей армии.

Несмотря на то, что Шан Ян сделал многое для усиления Циньского государства, его судьба сложилась печально. В 338 г. до н.э., после смерти Сяо-гуна на циньский престол воссел его сын Хуэйвэнь-ван (правил в 338–325 гг. до н.э.), крайне ненавидевший Шан Яна за жестокие наказания его учителей. Новый правитель обвинил Шан Яна в государственной измене и приказал его схватить. Спасаясь от преследования, Шан Ян бежал в царство Вэй. Но вэйцы выдворили его обратно в царство Цинь. После этого Шан Ян направился в

принадлежавшую ему область Шан, где им была набрана собственная армия. В поисках выхода из тяжёлой ситуации Шан Ян попытался напасть на небольшое царство Чжэн, вероятно, с целью создать собственное независимое владение. Но он был настигнут преследовавшими его циньскими войсками, разбит в сражении под чжэнским Мяньчи, захвачен в плен и казнён. Вслед за этим согласно циньскому закону о государственных преступниках был истреблён и весь его род. Но, несмотря на казнь Шан Яна, все его реформы были оставлены в силе. Они привели к неуклонному усилению царства Цинь, которое сумело завоевать все остальные древнекитайские царства и объединить Китай под своей властью.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНОВА